

ЭЛЕМЕНТЫ ПСИХОЛОГИЗМА В ЛОГИКЕ У. МИНТО

Профессор логики Эбердинского университета Уильям Минто не относится к классикам психологического направления в логике. Он не развивает психологическую интерпретацию логических форм, а скорее осваивает, разъясняет уже предложенный представителями психологизма анализ логических понятий с точки зрения их связи с индивидуальным сознанием и психической жизнью мыслящего субъекта. Притом наибольший интерес в этом освоении представляет осуществленная Минто попытка совместить психологическое и непсихологическое истолкование, создать некую сводную систему, в которой будут соединены здравые идеи обоих направлений.

Работа Минто «Дедуктивная и индуктивная логика», написанная в 1893 г., прекрасно иллюстрирует то состояние, в котором находилась логика этого периода. Во многом оно связано с развитием в середине XIX в. школы экспериментальной психологии и с именем Вильгельма Вундта. В рамках указанной школы внимание уделялось преимущественно изучению аспектов человеческого сознания (восприятие, представление, воображение, убеждение и пр.). Эти исследования оказали существенное влияние на логику, поскольку проблематичным стало отношение логики к мышлению, которое больше не было непосредственным предметом ее исследования. «Реальность» мышления стала предметом психологии. Отсюда вытекали два основных допущения, общих для всех представителей психологического направления. Первое — утилитарное толкование задач логики, надевание ее в большинстве случаев статусом нормативной дисциплины, призванной ограждать мышление, как обыденное, так и научное, от заблуждений, осуществлять проверку уже добытых знаний, выявлять предрассудки. Второе — соотнесение логических форм с субъектом мышления, который ими оперирует, интерпретация этих форм в ракурсе их взаимосвязи с психическим бытием субъекта, исследование процесса их воспроизведения в частном сознании. Оба этих допущения принимаются и используются Минто при анализе традиционного материала формальной логики в первой части его работы, озаглавленной как «Логика последовательности».

Задача «логики последовательности» формулируется у Минто так: «Предохранять от заблуждений, которым мы подвержены в процессе приобретения знаний через посредство речи»¹. Основной инструмент решения этой задачи — силлогизм, прочие формы анализа — вспомогательные. С исторической точки зрения помещение силлогизма в центр «логики последовательности» связано с теми практически проблемами, которые, по мнению Минто, посредством своей аналитики стремился разрешить Аристотель. В первую очередь она должна была служить для борьбы с оппонентом, софистом. Схожие задачи решает, с точки зрения Минто, и современная логика, с той лишь разницей, что опасность исходит не от внешнего врага, а от «внутреннего софиста». Поэтому всякий логический анализ так или иначе должен служить для построения корректного силлогизма. В этом Минто расходится с мнением классиков психологического направления в логике. Ключевой темой их логических исследований было суждение (предложение), поскольку в этом разделе речь шла об определении истинности (убежденности) или ложности, об отношении мышления к действительности, т. е. он был наиболее важным в ракурсе значения логики как дисциплины, нормативной для конкретных наук, а следовательно, для всей логической прагматики. Минто полностью исключает гносеологическую ценность формально-логического анализа, прагматические же функции отходят у него к индуктивной логике.

Этим обусловлены основные темы логического исследования: учение об общих именах — элементах предложения, учение об определении, вынесенное Минто в особый раздел, учение о предложениях и собственно учение о силлогизме. Аргументируя такое построение материала, Минто пишет следующее: «Наименьшей единицей, с которой имеет дело логика, является предложение». В то же время эту единицу можно разделить на части, общие имена, «учение о которых и является исходным пунктом силлогистического анализа»².

В разделе, посвященном учению об общих именах, изучаются термины «класс», «понятие», «признак», «объем» (означение), «содержание» (соозначение), «род», «вид», «видовое отличие», «единичное имя», «собирательное имя», «отвлеченное имя». Надо отметить, что общие имена и связанные с ними проблемы рассматриваются Минто наиболее обстоятельно. Он вынужден очень подробно разъяс-

¹ *Минто В.* Дедуктивная и индуктивная логика. Минск, 2002. С. 44.

² Там же.

нять, каким смыслом он наделяет термины, которые рассматривает, что связано с неустойчивостью терминологического аппарата логики того времени.

Класс для Минто есть имя некоторой группы предметов, к каждому из которых может быть приложено это имя. Сама совокупность предметов составляет объем (означение) имени. Классу присущи общие признаки. Понятие есть совокупность общих признаков и содержание (соозначение) общего имени. Для объяснения терминов «означающий» и «соозначающий» Минто разбирает теорию соозначения, разработанную средневековыми схоластами, ссылаясь, в частности, на У. Оккама, Петра Испанского и «Логика Пор-Ройяля». В то же время он принимает те уточнения, которые внес в их понимание Дж. С. Милль. В течение долгого периода времени в трактатах представителей номинализма отмечалось различие между именами соозначающими (*connotativa*) и абсолютными (*absoluta*). Под первыми понимались имена, указывающие на некоторое свойство (например, белое), присущее разным вещам (например, Сократу), и одновременно на качество само по себе (белизна). Абсолютными считались имена, имевшие только одно значение (Сократ, белизна). Оккам добавил в число соозначающих терминов имена классов, которые сразу дают знать об известных признаках (например, монах). Милль распространил термин «соозначающий» на общие имена исходя из того, что общие имена не абсолютны, но прилагаются к предметам на основании их содержания. С точки зрения Минто, «здесь и был тот пункт, на который Милль направил удар для того, чтобы опровергнуть обычное представление о логике как о силлогистике»³, т. е. переместить центр тяжести с силлогизма на определение. В действительности Милль был обеспокоен не проблемой общих имен, а определением в той мере, в какой оно является высказыванием о чем-то, вообще именем, поскольку оно неявно содержит в себе целый набор суждений, формирующих содержание этого имени, наполняющих его. В то же время он считал возможным трактовать суждение как имя некоторого положения дел в реальности, подчеркивая тем самым, что всякое движение нашей мысли направлено на нечто действительно существующее.

Учение об именах для Минто должно вносить вклад в решение общей задачи «логики последовательности», а именно прояснять то, что обычно скрыто для языка и обыденного мышления. Логически мыслящий человек должен анализировать каждое имя, которое он ис-

³ Там же. С. 48.

пользует в своем рассуждении, интерпретировать его с точки зрения всех возможных нюансов, известных логики: отношений между родом и видом, объемом и содержанием, степени «общности» имени (общее, единичное, собирательное, вещественное либо абстрактное имя), роли в предложении (категорематическое либо синкатегорематическое) и т. д. Столь подробный анализ служит необходимой подготовительной фазой для реализации ключевого логического процесса — построения силлогизма.

Предваряя главу, посвященную определению, Минто пишет: «Наша речь похожа на зыбучий песок»⁴. Практическое употребление слов далеко от логического идеала, поскольку значение наиболее употребляемых слов мы узнаем не из определений, а из тех ситуаций, в которых те или иные слова используют другие. Затем при помощи ассоциативного мышления мы распространяем эти слова на схожие ситуации или предметы. Наиболее четко установленные понятия обыденной речи Минто называет «популярными», или «общераспространенными». Идеалом понятия выступают «логические», или «научные», понятия.

«Популярные» понятия — группа наибольшего риска, поскольку значение их кажется самоочевидным, на деле же оказывается спорным и непроясненным. Такие понятия являются средоточием всевозможных предрассудков и представляют собой главное орудие отвлеченного, абстрактного (в интерпретации Гегеля) мышления. Их широкое и некритическое употребление связано в первую очередь с тем врожденным пороком человеческого мышления, который Минто, ссылаясь на классификацию заблуждений, данную Александром Бэном в работе «Логика», называет «заблуждением от нетерпения». В обыденной жизни решение об использовании того или иного слова или о высказывании некоторого мнения принимается мгновенно, в условиях недостатка информации. Регулярное неточное употребление отвлеченных понятий фиксируется в языке, который представляет собой своего рода архив заблуждений и предрассудков обыденного мышления. Средством против этих заблуждений служат «проверка значения имен» и «исправление и фиксация границы их приложения». Обе задачи решаются логикой посредством определения при помощи научной классификации.

В разделе, посвященном определению, наибольший интерес для нашей темы представляет глава, в которой Минто рассматривает во-

⁴ Там же. С. 81.

прос об универсалиях и об их отношении к мышлению и действительности. Проблема ставится так: общее имя в логическом отношении обозначает черты сходства между предметами (= понятие, соозначение); в то же время понятие всегда представлено в нашем мышлении, с ним связаны определенные образы, ассоциации, наше понимание имени, т. е. помимо логического смысла понятие имеет психологическую природу и содержание. На основании этого Минто предлагает различать логическое понятие (concept), психический акт понятия (conception) и соответствующий понятию умственный образ (conceptual image). Понятие есть объективное содержание имени, не принадлежащее тому или иному субъекту. Напротив, психический акт понятия — это «событие или явление в истории нашего мышления»⁵. При этом акт понятия может быть определен только негативно, как отличный от умственного образа, соответствующего понятию. Минто пишет: «Мы не можем точнее определить его, как сказав, что он реализует смысл общего имени»⁶. Акт понятия соответствует способности понимания, тогда как умственный образ есть результат деятельности воображения. Данная схема представляется спорной, поскольку умственный образ является в ней не существенным и необходимым элементом, а, скорее, возможным побочным эффектом одной из способностей мыслящего субъекта. Неочевидно также отношение образа к понятию.

Истолкование предложений (учение о суждении), как уже было сказано выше, имеет своей целью подготовку их к последующему использованию в силлогизме. В основе этой подготовки лежит анализ субъект-предикатной формы, разложение предложения на термины. Минто подчеркивает, что, хотя с практической точки зрения наиболее важно в предложении суждение как умственный процесс, сопровождающий высказывание предложения, для «логики последовательности» принципиальным оказывается то, что Б. Бозанкет назвал «морфологией» суждения, а именно возможность во всяком предложении выделить соответствующие силлогистической форме термины.

Анализ предложений должен, по мнению Минто, проводиться по двум направлениям: во-первых, с точки зрения технических, т. е. собственно логических, задач (способность предотвращать ошибки, помогать достижению известных целей); во-вторых, он должен быть направлен на исследование того, насколько тот или иной анализ соот-

⁵ Там же. С. 123.

⁶ Там же.

ветствует реальности мышления. Субъект-предикатную теорию суждения Минто, ссылаясь на Ф. Г. Брэдли, рассматривает исключительно как вспомогательную, техническую. Для высказывания суждения не обязательно иметь в уме оба термина и связку. С точки зрения логики приведенное к этой форме предложение равнозначно исходному, но не тождественно ему. Точно так же Минто считает невозможным рассматривать в качестве универсальной формы предложения ни утверждение или отрицание какого-то свойства подлежащего, ни уравнение между двумя терминами (Дж. Буль, О. Де Морган, У. С. Джевонс), ни сравнение понятий (У. Гамильтон). Ни одна из этих форм не исчерпывает всего разнообразия предложений и не может претендовать на всеобщность. В то же время любая из них может использоваться для осуществления логического анализа предложений, имеющего своей целью отыскание условий формального согласия предложений независимо от их истинности или ложности, что и составляет подлинный предмет силлогистической логики.

Тем не менее учение о предложениях не должно ограничиваться лишь формально-логическим анализом. С психологической точки зрения субъекта, составляющего суждение, важна не его форма, а то мнение о действительности, которое он пытается при помощи этого суждения высказать. Конечным содержанием всякого предложения выступает реальность. Психологическое истолкование не имеет собственно логической ценности, хотя и не противоречит силлогистической логике.

Рассмотрение опосредованного умозаключения в работе Минто представляет собой часть, максимально соответствующую канонической трактовке. Вопрос о соответствии этого анализа чему-то действительно происходящему в реальном мышлении рассматривается в главе о пользе силлогизма. Минто в данном случае опирается на аргументацию, предложенную Миллем. Обоснованием силлогизма у Милля выступает здравый смысл: анализируя корректность некоторого доказательства, мы неявно осуществляем все действия, предусмотренные силлогистическим анализом, т. е. выделяем посылки, разделяем их на термины и располагаем в определенном порядке. Однако, как справедливо замечает Минто, нет никакой необходимости в том, чтобы, проведя соответствующий анализ, здравый смысл оформил его результаты в виде силлогизма. Безусловно, эта форма удобна и наиболее естественна для ряда случаев, в частности для выявления скрытых посылок в выводе. Тем не менее она не является ни универсальной, ни единственно возможной. Силлогизм, а вместе с ним и вся формальная

логика, показывая взаимозависимость готовых аргументов, совместимость или несовместимость заключения с посылками, не отражает процессы реального функционирования мышления, а если отражает, то случайно. Силлогистическая логика, по мнению Минто, обладает иной, косвенной ценностью: она заставляет нас уточнять любые допущения нашего рассуждения, выявлять заблуждения, связанные с особенностями человеческого мышления вообще, которые остаются скрытыми в обыденном мышлении. Она представляет собой, по словам Минто, «хорошее начало» для последующего исследования.